

— Прошлые обиды и счета не стоит и упоминать, — он слегка улыбнулся. — Покинув императорский дворец, я давно отрекся от фамилии Ли. Начав жизнь заново, я бы и не подумал иметь хоть какие-то дела с семьей Ли, если бы не ты.

Бай Уцзи подошел и молча обнял его. В этой тишине разливалось нежное, трогательное тепло.

Жо Лицзюнь потянул Ли Сяня за руку:

— Видеть, что ты вырос здоровым и невредимым, — значит, я могу быть спокоен. Наконец-то исполнилось мое заветное желание. Я... ухожу. Впредь не приходи искать меня, я больше не хочу встречаться с людьми из семьи Ли.

Бай Уцзи и Жо Лицзюнь взяли за руки и обменялись понимающими улыбками, в которых сквозило счастье влюбленных. Раздался чистый свист, и две фигуры, словно порыв ветра, вылетели из шатра, в мгновение ока растворившись в бескрайнем небе.

Следы как на воде, пришли неожиданно, ушли неожиданно.

Ли Сянь долго смотрел в ту сторону, куда они исчезли, не в силах отвести взгляд. Истории, возможно, есть у каждого, но такое счастье дано найти далеко не всем...

После того как Бай Уцзи и его спутник ушли, в шатре воцарилось долгое молчание. Наконец Ли Сянь прервал эту неестественную тишину.

— Как вы двое можете быть дядей и племянником? Кто-нибудь объяснит мне?

— Конечно, он, я ведь старший, — Чу Илань небрежно поднял чашку с горячим чаем и со вздохом отозвался.

Ли Синьтянь опустила голову и начала неспешный рассказ:

— В тот день, расставшись с учителем, я по твоему приказу отправилась на ту постоянную площадку, нашла письмо великой императорской сестры и только тогда узнала всю подноготную...

Это была долгая история.

Начало ее было простым: красивый мужчина и прекрасная женщина случайно встретились, страстно полюбили друг друга, недолго были вместе, навсегда расстались, а затем женщина обнаружила, что носит под сердцем ребенка этого человека.

В отличие от многих земных историй любви, тот мужчина был главой Усадьбы Кленовых Листьев, первой усадьбы Поднебесной — Чу Сяотянем. А та женщина... была... любимой наложницей императора Шэн-ди.

Когда она покидала дворец, чтобы навестить родных, она была полна радости и предвкушения. Возвращаясь же назад, она навсегда оставила там свое сердце, но привезла с собой ребенка, в чьих жилах не было императорской крови.

Ни о чем не подозревавший Шэн-ди дал ребенку имя Ли Фэн, сделав его своим вторым наследником. В тот момент до рождения Ли Сяня оставалось двенадцать лет, а до того дня, когда мать Ли Сяня погубит наложницу и займет место императрицы, — одиннадцать.

Долгое ожидание, и вот повзрослевший второй принц при помощи своего биологического отца Чу Сяотяня совершил переворот, сверг малолетнего брата и взошел на высочайший трон.

Боль от убийства матери со временем притупилась, сменившись страстным желанием удержать власть в своих руках. Фэн-ди начал бояться, что тайна его рождения станет известна. Он даже подумывал убить своего настоящего отца, Чу Сяотяня, чтобы сохранить секрет навеки, но, опасаясь влияния последнего, был вынужден отказаться от этой мысли и лишь пристально следил за каждым шагом Усадьбы Кленовых Листьев.

Возможно, осознав опасения сына, Чу Сяотянь отказался от всех даров императорского двора и тихо жил в своей усадьбе. Его молодость, его любовь — всё безжалостно истерлось под точильным камнем времени. Величие, богатство, слава — пережив всё это, он понял, что это лишь мимолетные облака, исчезающие в одно мгновение. Он начал коротать дни, храня лишь самые прекрасные воспоминания, да еще память о другой женщине и сыне, рожденном ею в законном браке — Чу Илане.

Годы шли своим чередом. Младенец, едва лепетавший первые слова, в мгновение ока стал озорным мальчишкой, а затем превратился в статного, обаятельного юношу.

Младший брат по отцу рос, и Фэн-ди начал опасаться: не узнал ли тот его тайну и не использует ли ее, чтобы шантажировать его? На придворном совете он в качестве пробы предложил выдать свою старшую дочь, принцессу Жунхуа, замуж за Чу Иланя. Последний, к удивлению императора, ничуть не возражал и с радостью принял указ, что на время развеяло подозрения Фэн-ди.

Великий грех, нарушение моральных норм!

К тому времени Чу Илань уже знал историю романтической юности своего отца и понимал: если он откажется от указа, его ждет неминуемая смерть. Чтобы выжить, он взял в жены девушку, которая по праву крови должна была называть его дядей.

Прекрасная женщина с нежной любовью относилась к нему, и Чу Илань не видел трудности в том, чтобы делить с ней постель, даже если она приходилась ему племянницей. Но Чу Сяотянь, не в силах вынести такого удара, слег. Это были семена, посеянные им самим, а горькие плоды пожинало невинное потомство!

В мире нет стен без щелей, и в конце концов принцесса Жунхуа узнала ту самую историю, которую невозможно было пережить. Ее недосказанность и вечно печальное лицо вновь пробудили подозрения Фэн-ди. Болезнь Чу Сяотяня лишь подтолкнула императора к окончательному решению — навсегда похоронить тайну своего происхождения.

Заговор быстро созрел в атмосфере взаимных подозрений, над столицей сгустились тучи.

Чу Илань, почувствовав неладное, скрыл весть о смерти отца и до того, как Фэн-ди успел действовать, положил конец его правлению.

Это была не чья-то конкретная вина, просто финал, который никто не мог изменить...

— Позже, находясь в Цзянсу, я услышала весть о твоём восстановлении на троне, но не успела вернуться в столицу, как случился тот переворот. Узнав, что ты пропал без вести, я искала тебя по всему миру. В то время я случайно встретила Бай Уцзи и его спутника, а затем Чу Илань нашел нас, поведал о твоём местонахождении и попросил помочь армии Ли Сяня в борьбе с врагами и в покушении на императора Ле. С тех пор я с ними двинулась на юг и вот, встретила тебя сегодня.

Закончив этот долгий рассказ, Ли Синьтянь подняла голову. Ее черные глаза подернулись дымкой, слезы, казалось, вот-вот прольются, но так и застыли, не решаясь упасть.

— Синьтянь, твой отец и братья...

— Я знаю, — она горько опустила взгляд. — Отец скончался от болезни, а братья погибли от рук бандитов по пути в ссылку. Это не твоя вина, учитель. Просто у них была тяжелая судьба... Я благодарна уже за то, что ты не убил их, когда был у власти...

Разве это могло быть не его виной? Ли Фэн был отравлен по его приказу, а его сыновья — уничтожены под корень. Ли Сянь на мгновение замер, глядя на улицу, и промолчал. В его глубоком, спокойном взгляде отражались сложные тени.

— Учитель, с сегодняшнего дня я буду следовать только за тобой.

В глазах девушки не было глубокой ненависти или мрачных воспоминаний — лишь образ Ли Сяня, запечатленный в них твердо, преданно и ясно.

История Чу Иланя потрясла Ли Сяня гораздо сильнее, чем тронула. Он полагал, что Чу Илань захватил власть лишь ради богатства и влияния, но оказалось, что за ночным переворотом стоит драма двух поколений. У него просто не было иного способа выжить, кроме как свергнуть Фэн-ди. Ли Сянь даже начал сочувствовать Чу Иланю — он понимал горечь братоубийственной вражды. Однако Чу Илань не был им: Ли Сянь не убивал своих сводных братьев, напротив, хотел сохранить кровь своего рода. Но для Ли Сяня, выросшего в глубоких покоях дворца, кровный брат всегда был главным врагом — к братьям он испытывал лишь настороженность и

отчуждение, а затем — стремление уничтожить их до конца.

Весь день Ли Сянь размышлял об истории Чу Иланя.

Мягкий лунный свет окутал землю, мир словно погрузился в серебряное море. Снова была ночь полнолуния.

Армия спала, в лагере царила тишина, лишь легкий ветер мягко свистел в пустоте.

Из шатра Ли Сяня полились звуки цитры — то затихая, то разливаясь, словно отражение луны в воде, словно призрачные тени в тумане. Два воина, охранявшие вход, затаили дыхание, вслушиваясь так внимательно, что даже не заметили, как кто-то подошел.

Голос одного из воинов прервал музыку, а следом за ним бодрым шагом вошел Чу Илань.

— После дождя прояснилось, небо осеннее чисто, горы в зелени юной, словно брови накрашены. Ветви кассии дрожат, кто скажет, что сияние нынешней ночи не полно? В бескрайнем синем небе где же лунная фея, правящая нефритовым колесом? Холодный свет разливается, для кого он светит так причудливо? — он с улыбкой прижал струны ладонью. — Мелодия хороша, но слишком уж холодная.

Ли Сянь рассмеялся, собрался с мыслями и вдруг заиграл от всей души. Звуки цитры, словно горный водопад, срывались вниз, подобно могучему ветру, разбивающему волны. Музыка пронзила ночную тишину, уносясь вдаль вместе с ветром, и эхо, подобное гордому смеху, долго не утихало, даже когда струны замолкли.

— Великолепная мелодия, глубокий смысл! Волна за волной набегают на пески, одна за другой рушатся и вновь рождаются. Поистине, в этом есть бескрайность бушующих волн и широта просторов. Такая музыка должна звучать лишь на небесах, где еще в мире смертных ее услышишь?

— Слишком много чести, — Ли Сянь убрал цитру и поднялся. — С какой целью вы пожаловали так поздно?

— Стоило мне похвалить тебя, как ты сразу заговорил витиевато, — Чу Илань внезапно обхватил Ли Сяня со спины. Почувствовав, как тело того вздрогнуло, он перестал бороться. — Неужели я не могу прийти к тебе просто так? Если бы я не пришел, ты бы так и продолжал играть эту печальную музыку в одиночку? Настроение следует за мелодией, от такой музыки и на душе становится тоскливо.

Горячее дыхание Чу Иланя обжигало шею, вызывая щекотку. Ли Сянь не выдержал, повернул голову и раздраженно произнес:

— Перестань, отпусти меня.

— Я говорю с тобой нормально, какое же это баловство? Если хочешь баловства, то оно должно быть вот таким.

Резким рывком Чу Илань опрокинул Ли Сяня на кровать.

— Холодная роса иссушает, но разве ты не знаешь, что тоска проникает до костей? — его чувственные алые губы шевелились в опасной близости. Ли Сянь молча смотрел на него, а затем спокойно ответил: — Преданное сердце легко оставить, но как сберечь истинные чувства?

— Ты мне так не доверяешь?

— Мир бренный полон невзгод, встречи и расставания — разве легко найти то, что длится вечно? Это терзает душу, я боюсь, что в конце концов больше всего будет мне самому.

— Спрошу у морского прилива: сравнима ли его верность с любовью моей? Приливы верны, а люди — нет, и тоска лишь доказывает, что море не так глубоко, как кажется. Верь мне, А-Сянь. Отдайся мне, и с этого дня Чу Илань не будет звать тебя А-Ли. Я буду называть тебя только твоим настоящим именем — А-Сянь.

Молчание повисло в воздухе, пока их взгляды переплетались. Наконец Ли Сянь медленно закрыл глаза. А затем нежные поцелуи осыпали его губы, лицо, волосы — в них было столько мягкости и бережной ласки.

Вся эта любовь и пыл — он осмеливался чувствовать их лишь телом, не имея мужества открыть глаза.

— Открой глаза, я хочу, чтобы ты смотрел на меня, — вопреки нежным действиям, голос Чу Иланя звучал властно и настойчиво. — Я хочу, чтобы ты запомнил этот момент навсегда, глубоко спрятал его в сердце.

Колеблясь, Ли Сянь распахнул глаза, и в его сияющем взгляде отразилась улыбка Чу Иланя. Она казалась искренней, непохожей на него самого.

Чу Илань склонил голову, и мягкий поцелуй, словно награда, коснулся уголка глаз Ли Сяня — легкий, как дуновение ветра.

Все казалось таким прекрасным, похожим на сон. Снаружи доносился шепот полночного ветра, и Ли Сянь чувствовал, как все вокруг расплывается, окутанное туманом, зыбкое и призрачное, готовое исчезнуть в любой миг.

Он протянул руку и коснулся лица Чу Иланя. Тепло человеческой кожи вернуло ему ясность сознания.

Ветер подул, всколыхнув зеркальную гладь пруда. Судьба связала нас, я обрел твою любовь и

всем сердцем потянулся к тебе.

Будда говорит, что без чувств и желаний всё пусто. Я хотел быть одиноким северным ветром, свободно гуляющим среди гор и лесов, но не устоял перед соблазном земного тепла. Не нужно клятв на три жизни, не нужны обещания, крепкие как море — я лишь хочу, чтобы эта любовь была настоящей, чтобы больше не быть одиноким.

Мирская суэта — пусть это будет лишь весенний сон...

Чу Илань протянул руку и вытащил нефритовый гребень из волос Ли Сяня. Черные локоны рассыпались, он подхватил прядь, и шелковистые нити заструились сквозь его пальцы, мягкие и нежные.

Ты мой, Ли Сянь. Даже самый благородный и умный питомец должен склонить голову перед хозяином. Стоит лишь ухватиться за твою слабую сторону, и вся твоя стойкость рухнет.

Ты жалеешь меня? Жалеешь того, кого родной брат считает занозой в глазу? Того, кто разделяет твою судьбу? Но я не такой, как ты. Ты не знаешь вкуса той власти, что позволяет стоять выше всех под небесами.

В глубине души звучал холодный смех, но уголки губ при этом изгибались в сияющей улыбке, теплой, как весенний ветер в марте, и яркой, как июньское солнце.

Единственная в мире власть и единственный в мире ты — я крепко буду держать вас в своих руках.

Искусные пальцы и гибкий язык постепенно разжигали пламя внутри Ли Сяня. В то же время он почувствовал, что тело сверху пылает еще сильнее. Неизвестно когда одежда была сброшена, тела тесно переплелись, кожа к коже, в горячем соприкосновении. Очаровательный, низкий голос Чу Иланя прозвучал у самого уха:

— Я... тебя... люблю.

В одно мгновение всё затуманилось, и оставалось лишь одно: эти теплые объятия и жаркие поцелуи...

Это и есть любовь? Это и есть любовь?

Полная луна уже давно поднялась высоко в небо, ее холодный, чистый свет падал на переплетенные фигуры, словно в сказочном сне...

Армия Ли Сяня несколько раз провоцировала гарнизон города Хуалян, но войска государства Хуэрчи стойко держались за стенами. Несколько дней спустя, согласно плану Чу Иланя,

началось полномасштабное наступление. Десятки мастеров боевых искусств под покровом ночи проникли в город, чтобы открыть ворота. Однако, как и предвидел Ли Сянь, армия Хуэрчи, подготовившись к такой тактике, устроила засаду у ворот и стянула туда своих лучших бойцов. Мастера армии Ли Сяня, не сумев выполнить задачу, понесли тяжелые потери, лишь немногим удалось бежать.

Несмотря на это, план Чу Иланя продолжал воплощаться в жизнь: армия Ли Сяня сделала вид, что у нее нет иного выхода, и начала отступление. Войска прошли десять ли на юг, но армия Хуэрчи по-прежнему не покидала оборону и не бросилась в погоню.

Что же теперь делать? Неужели разворачиваться и начинать все заново?

Нахмуренные брови генералов выдавали их беспокойство. Даже Чу Илань, что случалось крайне редко, выглядел серьезным и задумчивым, опустив длинные ресницы.

— Победы и поражения — обычное дело для воина, тем более что мы всего лишь не достигли успеха в заманивании врага, это еще нельзя назвать поражением, — Ли Сянь подъехал ближе и ободряюще похлопал его по левому плечу.

Чу Илань с легким раздражением сбросил его руку:

— Я не из тех, кто не умеет проигрывать, просто эта битва слишком важна. Победа дала бы нам всю Поднебесную, а поражение сведет на нет месяцы борьбы. Враг засел в городе и не выходит, неужели нам придется брать его штурмом?

Ли Сянь спокойно отозвался:

— Вести армию, чтобы завоевать Поднебесную — это не дворцовый переворот. Последний, если оценивать ситуацию, можно повернуть за одну ночь. Первое же требует ума и стойкости: не гордиться победами и не унывать при поражениях. Временные неудачи — это пустяк.

Чу Илань поначалу слушал рассеянно, но постепенно на его лице расцвела хитрая улыбка. Он придвинулся к Ли Сяню и заискивающе прошептал:

— Раз уж наш Сяо-Сянь говорит так, значит, у него уже есть отличный план, как выманить врага. Рассказывай скорее.

— Словосочетание «отличный план» из уст такого мастера, как ты, звучит лестно, но я не достоин его. Даже великий стратег Цао Цао, чей ум был выше других, оказывался в ловушках при Наньяне, Учао, Циляне и Лияне, едва не погиб при Тунгуане, а лишь затем смог установить временный мир. Куда уж мне до него. Решить исход дела в опасный момент — это лишь вопрос усилий человека, — Ли Сянь слегка улыбнулся и прищипорил коня. — Давай ускорим марш. Если будем идти с такой скоростью, это будет похоже не на отступление, а на увеселительную прогулку.

Той же ночью, согласно плану Ли Сяня, армия встала лагерем перед лугом. При устройстве лагеря существует два главных правила: не селиться перед водоемом, чтобы в случае поражения не остаться без путей отступления, и не селиться перед высокой травой, чтобы враг не мог использовать ночную атаку с поджогом. Чу Илань скривил губы:

— Такая очевидная уловка, неужели армия Хуэрчи клюнет?

— Истинное кажется ложным, ложное — истинным. Генерал Фэн Лянь — человек подозрительный. Он обязательно пошлет разведчиков, чтобы узнать, что мы задумали.

— И что же ты задумал? — Ли Сянь понимающе улыбнулся.

Этой же ночью отряд воинов Хуэрчи действительно прокрался в лагерь, но с удивлением обнаружил, что шатры пусты. Армия Ли Сяня исчезла. Получив донесение, генерал Фэн Лянь рассмеялся:

— Я знал, что враг не отступит просто так. Пустые шатры — это лишь прикрытие, они ищут другой путь к городу. Продолжать разведку, найти их следы!

Вскоре доложили: следы армии Ли Сяня обнаружены на горных тропах, они намерены пробраться в город через горы. Кроме того, часть воинов на лодках пересекает тростниковые заросли за городом, где водный путь связан с городским водоснабжением. Тут же подчиненные предложили нанести удар по врагу с тыла. Фэн Лянь согласился и отправил треть войск в погоню по горным тропам, треть — по водному пути, а оставшуюся часть оставил охранять город.

И это было именно то, чего добивался Ли Сянь!

Когда войска Хуэрчи, преследовавшие врага в горах, поднялись на середину склона, сверху внезапно посыпались огромные валуны. Оказалось, этот отряд армии Ли Сяня состоял из мастеров боевых искусств, которые заранее подготовили камни, дожидаясь врага. На узких горных тропах негде было укрыться, и многих воинов Хуэрчи раздавило еще до того, как они вступили в прямой бой. Тем временем бойцы речного союза, скрываясь в тростнике, проплыли под водой и пробили дно вражеских лодок. Люди Хуэрчи, жившие в степях, не умели плавать, и множество воинов утонуло, их тела заполнили тростниковые заросли.

Однако армия Ли Сяня не стала уничтожать всех врагов, а намеренно выпустила часть побежденных, позволив им бежать обратно в город. Когда ворота открылись, чтобы принять отступающих, основные силы армии Ли Сяня, скрывавшиеся неподалеку, стремительно ворвались внутрь. Остатки войск Хуэрчи в городе составляли лишь треть от первоначального количества и не смогли сдержать натиск. После кровавой битвы, к рассвету, Хуалян, который казался неприступным, обрел нового хозяина. Армия Хуэрчи понесла тяжелые потери, а генерал Фэн Лянь был взят в плен!

Красное солнце взошло, осветив половину неба. Ли Сянь и Чу Илань один за другим взошли на стену. Армия Ли Сяня, выстроившаяся внизу, разразилась оглушительными криками радости, которые не стихали долгое время. Мягкие солнечные лучи падали на плечи Ли Сяня, словно

золотая мантия. Глядя на колышущееся море людей, он спокойно улыбнулся. Основная часть вражеских сил была уничтожена, остатки бежали на север и не могли вернуться. Он был уверен, что в скором времени государство Хуэрчи пришлет послов просить мира. Северная угроза отступила, а значит, союз с Чу Иланем подошел к концу, и между ними снова неизбежно встанет трон. По правде говоря, он не думал, что Чу Илань хочет его убить, но и не хотел оставаться марионеточным императором. Неужели их короткая любовь тоже подошла к концу?

В сердце внезапно кольнуло, но улыбка не сошла с его лица.

Вдруг его ладонь стала горячей. Ли Сянь обернулся и увидел, что Чу Илань подошел к нему и крепко сжал правую руку:

— А-Сянь, как ты думаешь, кем ты был в прошлой жизни?

<http://bllate.org/book/21139/2144074>